

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Эти глаза
напротив

Анна Ольховская

Эти глаза напротив

Серия «Варвара Ярцева. Скорая
детективная помощь», книга 3

Серия «Детективы о женщине-цунами»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113327

Ольховская А. Эти глаза напротив : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66576-1

Аннотация

После чудесного спасения из рук сумасшедшего маньяка Сигизмунда Кульчицкого, переодевавшегося в костюм Змея и жестоко издевавшегося над своими жертвами, Варя Ярцева считала, что с «драконовскими наслаждениями» покончено. Она сама и последняя жертва Змея, Моника Климко, были спасены Павлом, настоящим наследником крупнейшей империи Кульчицких, злодей – за решеткой в ожидании суда. Но оказалось, что у маньяка есть влиятельные покровители, занимающие важные посты во властных структурах, они готовы сделать все возможное и невозможное для того, чтобы вытащить того на свободу, устранить ненужных свидетелей, Моника и Варю, и забрать для лабораторных опытов Павла, которому был

поставлен медицинский диагноз «Ихтиоз Арлекино». Это редкое врожденное генетическое заболевание. Вся кожа Павла покрыта ромбовидными чешуйками, а сам он обладает уникальными паранормальными способностями...

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	60
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Ольховская

Эти глаза напротив

Пролог

«Скандал в мыльном королевстве! Сигизмунд Кульчицкий, сын и наследник Венцеслава Кульчицкого, владельца концерна «Аврора», оказался маньяком! И не сыном! Настоящий сын господина Кульчицкого – тоже монстр! Два чудовища – кого же выберет отец?!»

Высокий, худощавый... да чего уж там – тощий мужчина лет пятидесяти отложил в сторону газету с кричащими заголовками и откинулся на спинку самого эргономичного из всех эргономичных кресел. Это кресло чутко реагировало на все изменения в положении сидельца и торопливо, сопя от усердия, меняло форму, обеспечивая телу хозяина максимальный комфорт.

Потому что конкретно этому телу без постоянной поддержки было сложно сохранять вертикальное положение.

Вероятно, именно из-за болезненной худобы мужчины. Впрочем, не совсем так: болезненная – это когда кости обтянуты кожей, щедро делясь с окружающими особенностями скелета. А у сидевшего за столом мужчины скелет надежно скрывался под тонким слоем плоти. Причем видно было, что

он гибок и опасен, ну, скажем, как королевский питон.

Да и внешне мужчина отдаленно смахивал на рептилию – немного приплюснутая сверху лысая голова, косо срезанный маленький подбородок, узкие, почти незаметные губы. Если бы у него не было бровей и ресниц – сходство стало бы шокирующим. Но брови у мужчины были, и ресницы тоже. Причем очень даже пушистые, прямо девичьи. Надежно скрывающие выражение глаз.

Что являлось серьезным преимуществом владельца ресничек, и не только в бизнесе. Впрочем, сейчас это преимущество мужчине было без надобности – в кабинете он находился один.

– Любопытно, – мужчина снова взял в руки газету и всмотрелся в фотографии, – очень любопытно. Неужели получилось? Они ведь не выживали раньше... Максимум – лет до пятнадцати-шестнадцати дотягивали, и то еле-еле, жалкими бесполезными инвалидами. А этот... Если все это не фотомонтаж, тогда... Нет, рано радоваться, рано. Сначала все следует проверить.

Мужчина нажал кнопку на селекторе. Аппарат, слегка задремавший от тишины, утробно булькнул, икнул, а затем подобоострастно осведомился:

– Слушаю, Аскольд Викторович! Чего желаете?

– Вероника, найди Макса. Срочно!

– А чего его искать, он уже минут десять в приемной сидит.

Мужчина со свистом втянул воздух и, еле сдерживаясь, прошипел:

– Поч-ч-чему не пус-с-стила?!

– Но как же... – Секретарша явно почувствовала, мягко говоря, недовольство шефа, и голос тут же завибрировал слезами. – Аскольд Викторович, вы же сами сказали – вас не беспокоить! К тому же к вам Иван Павлович пришел, ему на одиннадцать назначено...

– Макса – ко мне, Петренко пусть ждет! – Мужчина нажал кнопку отбоя и раздраженно выплюнул: – Самка обезьянья!

Дверь без стука распахнулась, и в просторный кабинет с видом на Кремль вошел высокий темноволосый мужчина лет тридцати, неуловимо похожий на хозяина кабинета.

Ростом, телосложением, гибкостью и даже внешностью. Их вполне можно было принять за отца и сына, что вызывало немало сплетен в окружении депутата Государственной думы Аскольда Викторовича Ламина. По документам Макс Шипунов, помощник депутата, не имел никакого отношения – родственного отношения – к господину Ламину. Но внешнее сходство плюс особые, доверительные отношения между депутатом и его помощником являлись постоянной темой для всевозможных домыслов, версий и даже проверок – родственник ведь не может быть помощником депутата!

Но проверки результата не дали, шушукаться за спиной Аскольда Викторовича небезопасно – злопамятность и мстительность господина Ламина были хорошо известны среди

коллег и подчиненных, поэтому сплетни плелись вяло. Без особого энтузиазма, так сказать.

Да и в конце-то концов – кому какое дело? Если даже и смастерил себе Ламин когда-то внебрачного сына – всякое бывает. Зато молодец, не бросил, на службу взял, да еще на какую! Помощник депутата Государственной думы – это ого-го-го! Ни фига себе! Ты крут, мужик! И так далее – возможны варианты.

Заветные корочки помощника открывают любые двери.

А статус самого Ламина вообще делал его одним из ценнейших представителей его расы.

Древнейшей, появившейся гораздо раньше человечества, расы рептилоидов. Особей с голубой кровью. По-настоящему голубой.

Цивилизация рептилоидов была достаточно развитой, но малочисленной. И поэтому предотвратить приход новых хозяев планеты – людей – змееподобные не смогли. Хотя старались, очень старались, оставив в легендах и сказках человечества след. Кетцалькоатль у индейцев майя, могучие драконы в Европе и Азии, Змей Горыныч – на Руси.

Боги, демоны, чудовища – особо хороших и светлых воспоминаний о рептилоидах в памяти людской не осталось. Да и откуда им взяться, если на всех континентах сохранились легенды о том, что Змеи требовали отдавать им самых красивых девственниц племени. Или деревни. Или города – в зависимости от места и времени события. И девушки эти боль-

ше не возвращались...

Люди считали, что чудище их просто жрет.

Но рептилоиды не ели людей. Их «домашние животные», те самые огромные драконы, которыми запугивали «обезьянье племя», – да, эти жрали. Пока не вымерли. Но сами рептилоиды, внешне отдаленно похожие на людей – рост, телосложение, две руки, две ноги, – хотели только одного.

Выжить. Не дать свое расе исчезнуть.

Потому что жить и развиваться под землей, куда вынуждены были уйти рептилии, задача не из легких. Слишком много сил уходило на поддержание нормальной жизнедеятельности в подземельях. На то, чтобы прятать поселения от заинтересовавшихся земными недрами людей. Отводить их от самых крупных месторождений золота, драгоценных камней, редких металлов, того же урана.

И владеть этими месторождениями. А для того, чтобы владеть официально, приходилось отправлять в «обезьянье племя» представителей своей расы. Самые сильные, самых способных к гипнозу и отводу глаз.

Всем ведь известно, что змеи могут гипнотизировать свою жертву. Рептилоиды тоже владели ментальными способностями, но в разной степени. Самые сильные могли сутками наводить «морок» на окружающих, скрывая свой истинный облик. Змеиную чешуйчатую кожу, глаза с вертикальными зрачками, раздвоенный язык, лишенные бровей и ресниц лица, лысые черепа без ушных раковин.

Чтобы облегчить задачу, вышедшие «в люди» рептилии старались максимально замаскироваться, используя парики, накладные брови и ресницы, линзы с нормальными зрачками. Им оставалось только «показывать» гладкую кожу и нормальный язык. И если вдруг случалось пораниться – голубой цвет крови.

Но таких сильных представителей расы было очень мало, катастрофически мало. И хотя они сумели проникнуть во все отрасли человеческой деятельности, заняв там ключевые посты, хотя давно и прочно подгрести под себя немалую часть природных ресурсов, раса вымирала.

И единственная возможность выжить для рептилий – ассимилироваться с человечеством. Получить жизнеспособное потомство от скрещивания «с обезьяньими самками».

Для этого и затаскивали на протяжении веков к себе девственниц. И скрещивались...

И иногда даже рождались дети. Но – нежизнеспособные, умиравшие поначалу практически сразу после рождения.

Ученые змееподобных старались помочь процессу, выхаживая каждую забеременевшую женщину с помощью новейших на то время методик. И постепенно детишки перестали умирать сразу после рождения. И дотягивали порой лет до пятнадцати, а то и двадцати. Но отпускать их в мир людей никто не решался – малыши мало походили на человека. Да и жить без лекарств, изобретенных рептилиями, не могли.

Но по ночам все же выходили. И метисы-парни нападали

на женщин и девушек, насилуя их. А полукровки-девушки, выбирая пьяных до изумления мужчин, уединялись с ними. Тут главное было – вовремя уйти, иначе...

В лучшем случае мужик завязывал пить.

От скрещивания метисов и людей (если беременность наступала) дети рождались всегда. Но – такие же нежизнеспособные. С трудом доживающие до двадцати – двадцати пяти лет под землей и практически сразу умирающие там, на поверхности.

Но со временем дал о себе знать эффект телегонии. Поразительно, но факт – если полукровка становился первым мужчиной у несчастной девушки, его генетика передавалась потомству. И люди даже дали название этому генетическому отклонению: ихтиоз Арлекино.

Очень редко, но у самых обычных людей порой рождался страшенький, покрытый чешуей, лишенный бровей, ресниц, ушных раковин младенец. Сразу после рождения у него обычно даже глаз и рта не было видно... Такие малыши чаще всего умирали в течение одной-двух недель.

А если ребенок выживал, то чешуя его порой приобретала ромбовидную расцветку, как у циркового арлекина. Отсюда – и название болезни.

– Макс, – Ламин подтолкнул к помощнику газету, – собери все сведения об этом наследнике мыльной империи. Если это не фотошоп, то...

– То мы наконец дождались. Начало положено.

Часть 1

Глава 1

Дверь тихонько скрипнула, и я молниеносно затолкала зеркальце под подушку. Стеклашка что-то попыталась возмущенно пискнуть насчет бесцеремонного обращения, но я возмущение со спокойной совестью отправила в игнор.

Потому что нефиг хозяйку расстраивать той похабенью, что отразилась в серебристой поверхности! Что это за деформированное рыльце? А эти переливы цвета от блекло-желтого до голубоватого на все еще припухшей половине лица?! А щелка вместо глаза?!!

Я ведь вовсе не требовала подтверждения, что я на свете всех милее, всех румяней и белее. Вполне достаточно было трансляции прежней Варвары Ярцевой – девицы двадцати девяти лет от роду, обладательницы ничем не примечательной (пока не накрашусь) внешности.

Ну да, черты лица у меня правильные, глаза тоже не самые маленькие, и коса имеется почти до пояса, в руку толщиной.

Вот только волосы, брови, ресницы у мадмуазель Ярцевой светленькие, глазки – серенькие, цвет кожи – белесенький. Нет, ну когда я подставляю свою тушку солнцу, цвет кожи приобретает более приятный оттенок, но обычно я – моль.

Так меня назвал когда-то в школе Олег Свистунов, моя первая любовь, а заодно – первый парень на нашей школьной деревне. Когда я рискнула пригласить его на белый танец.

Тогда надо мной всласть поглумились и Олег, и остальные одноклассники. А я едва не натворила глупостей, пытаюсь расстаться с жизнью. Правда, вовремя передумала, мозги, пусть и рудиментарные тогда, все же имелись.

Тогда же мамусик научила меня пользоваться косметикой, и я поняла, что на самом деле я – красавица. И осознания этого мне было вполне достаточно, чтобы забить на всяческие ухищрения в виде туши, теней и прочих охотничьих средств, и утверждаться как личность не за счет внешности, а за счет интеллекта и душевных качеств.

В принципе получилось. Я получила диплом психолога (красненький, между прочим), устроилась на хорошую работу, через пять лет накопила достаточно денег, чтобы открыть свой кабинет психологической помощи, ездила на собственном авто и считала свою жизнь устроенной.

Пока однажды не разыграло во мне бабство, и не решила я всем показать, что могу быть красоткой и вообще – владычицей морской. Показала.

И ровно через неделю осталась без работы, без денег, без машины (см. роман Анны Ольховской «Давай не поженимся!»).

И именно тогда в разбитое корыто, возле которого думала свою думу и кручинила свою кручинушку Варвара Ярцева,

свалилось более чем щедрое предложение от Мартина Пименова, одного из самых известных на Руси олигархов, постоянного обитателя списка журнала «Форбс».

Этого умного, жесткого, волевого человека, а по совместительству – самого известного холостяка на брачном рынке едва не затащила в брачные сети общемосковская давалка Альбина Кругликова. Вернее, ее папашка, Степан Петрович Кругликов, тоже не последний человек в тусовке буржуинов. Уж очень хотелось Степану Петровичу не просто выдать свою сексуально озабоченную кобылицу Алечку замуж, а пристроить с максимальной выгодой для бизнеса.

И господин Кругликов, обманом напоив Мартина почти до изумления, заключил с Пименовым практически беспроигрышное для Степана Петровича пари.

Мартин должен был в течение года предоставить на всеобщее обозрение настоящую, не поддельную – эксперты сидели наготове – фотографию призрака. Привидения. Мистера (или миссис) «Бу!».

И вляпавшийся по самые... гм... серьезно, в общем, господин Пименов решил нанять самого лучшего, самого известного в Москве (и не только) фотографа. Способного отправиться за интересным снимком хоть к черту на рога, хоть в жерло вулкана.

Насчет чертовых рогов неизвестно, а вот снимки из жерла вулкана в портфолио этого фотографа были.

А самого фотографа звали (и зовут до сих пор) Олегом

Ярцевым.

Нет, не однофамилец. Брат. Мой. Родной.

Пусть и не по крови – Олежка сын папы Коли, а я – дочка мамы Ларисы. И поженились наши родители, когда я только-только родилась, а мой биологический папашка благополучно слинял, бросив беременную от него девушку.

И очень хорошо, что сбежал! Точно так же, как свинтила от «бесперспективного» мужа мать Олежки. Зато теперь у нас с ним – самые лучшие в мире родители!

А у меня – самый лучший в мире брат. Который, кстати, когда-то слегка подкорректировал внешность своего тезки Свистунова так, что тот недели две мрачно смотрел на мир из щелочек подбитых глаз.

Правда, мой самый лучший в мире брат заодно являл собой и классический пример разгильдяя и оболтуса. Получив очередной бешеный гонорар за добытый с риском для жизни снимок, Олежка тут же проматывал его на такую же очередную длинноногую блондинку с перекачанными силиконом губами-грудями-ягодицами.

Ну что поделаешь, если вкусы моего братца были столь однообразными! А ведь он мог выбрать себе что-то поприличнее и поумнее, поскольку Олежке вовсе не надо было прибегать к боевой раскраске, чтобы явить миру свою красоту.

Наш парень и так удался – высокий, стройный, со смугловатой кожей, большими карими глазами и густой шевелюрой – смотри и падай!

И падали, можно сказать – сыпались, как переспелые груши, девицы и дамы постарше. Чем наш обалдуй с энтузиазмом пользовался, спуская свои бешеные гонорары.

В общем, господин Пименов, наведя справки о стрингере-спасителе, справедливо опасался кобелиного срыва моего братца. И решил нанять заодно и меня, в качестве няньки-надсмотрщицы.

Тогда я и познакомилась с Мартином...

И поняла, что пропала. С первого взгляда. С первого слова, произнесенного низким, бархатным голосом.

Влюбилась, как девчонка. Как дура. Как...

Влюбилась, в общем. С вероятностью ответного чувства, стремящейся к минус бесконечности.

И даже не потому, что Мартин знал меня в бесцветном образе моли.

Мартин Пименов в принципе не был способен на нормальные человеческие чувства и эмоции. Они вымерзли в его душе очень давно, в тот день, когда его пьяный отец зарезал мать, причем в день рождения Мартина. А самого Мартина и его брата с сестрами отправили в детский дом.

Где сложно вырасти нежным, добрым и доверчивым.

Правда, циничной скотиной Мартин тоже не стал. Понятия о честности, порядочности, верности у него имелись. Эдакий внутренний стальной стержень.

Но в целом господин Пименов был больше похож на биоробота, чем на человека.

Поначалу.

А потом оказалось, что не такой уж он и биоробот. И даже подружился с Олежкой, хотя до сих пор друзей у Мартина не было.

Сближение произошло после того, как мы с братом чуть не погибли, выполняя поручение Пименова. Фотографию призрака мы так и не добыли, но от свадьбы с Альбиной Кругликовой Мартина уберegli.

И он не только более чем щедро заплатил, но и за свой счет обеспечил нам лечение и уход в лучших клиниках Швейцарии и Москвы.

Тогда-то Олежка с Мартином и подружились. Ну и я стала тоже кем-то вроде сестренки.

Которой я вовсе не хотела быть!

На полученные от Мартина деньги мы построили дом в сорока километрах от Москвы, куда перевезли родителей и куда на лето с удовольствием переселилась и я.

Не зная о том, что в окрестностях нашей деревни Низовки вот уже на протяжении нескольких лет пропадают девушки. Местные шептались, что их крадет Змей Горыныч, но кто же будет обращать внимание на эти бредни!

Мы и не обращали. Пока лично не столкнулись со Змеем (см. роман Анны Ольховской «Драконовское наслаждение»).

Вернее, с двумя Змеями – один был похож внешне, второй – внутренне. Красавчик Сигизмунд Кульчицкий, сын

Венцеслава Кульчицкого, владельца расположенного неподалеку от Низовки поместья (именно поместья, у него даже крепостные были!), оказался настоящим психом, похищавшим и издевавшимся над девушками. Замучив их до смерти, душка Гизмо (так его звали в светской тусовке) находил следующую жертву.

Воспользовавшись местными байками про Змея Горыныча, Гизмо похищал девушек в специальном костюме, надев который, становился похожим на Змея.

Пока не столкнулся с тем, кто и стал источником слухов и баек.

Настоящим сыном Кульчицкого.

Когда-то в один день в одном доме появились на свет два мальчика: сын владельца поместья и сын нанятой кормилицы Марфы Лобовой.

Только Магдалена, жена Кульчицкого, родила жуткого уродца, полностью покрытого чешуей, а Марфа – крепкого красивого мальчишку.

И врач, принимавший роды у Магдалены, поменял младенцев с ведома самой Магдалены – женщина жутко боялась предъявить урода своему помешанному на чистоте крови мужу.

Уродца отдали Марфе, велев придушить его – все равно такие долго не живут.

Но Марфа пожалела несчастного малыша, отнесла его в теплую пещерку, где бил горячий ключ, и с помощью той

целебной водицы и травяных отваров выходила мальчика, названного ею Павлушкой.

Павел вырос очень умным, очень порядочным, очень честным. Полной противоположностью Гизмо.

И именно он, Павел, спас и оставшихся в живых девушек, и меня из лап этого свихнувшегося ублюдка.

А потом узнал, чей он на самом деле сын.

Надо отдать Венцеславу должное – тот ни секунды не сомневался, узнав правду. И принял Павла таким, какой он есть.

И сейчас Павел находится в той же клинике, что и я – в него стрелял Сигизмунд-Гизмо, пришлось делать операцию. Может, это он пришел меня навестить?

Глава 2

Хотя нет, вряд ли – Павел не ходит свободно по клинике, слишком уж внешность у него того... экзотическая. И не только потому, что не хочет пугать пациентов – и сам парень, и его отец, Венцеслав, справедливо опасаются вездесущих, как тараканы, папарацци.

Эта гвардия, неведомо как пронюхавшая о случившемся, тусила возле клиники уже на момент нашего появления там.

Этого никто не мог ожидать, но несколькими самым прытким особям удалось сфотографировать лежащего на носилках окровавленного «монстра». А самым скользким – удрать от разъяренного Александра Дворкина, начальника службы безопасности Кульчицкого. Дворкин быстрее всех сориентировался в происходящем и науськал прибывших с ним секьюрити на лихорадочно сверкающих фотовспышками журналистов. И сам лично отнял фотоаппараты у парочки гвардейцев пера и клавиатуры. Потом вернул, конечно, удалив оттуда все снимки.

Но несколько шустриков все же ускользнули.

И на следующий день пресса и Интернет порвала в клочья сенсация. Подмосковный монстр пойман!

Не разобравшись, поначалу в монстры записали Павла. А когда до прессы все же просочился тоненький ручеек правды, сенсация раздулась до устрашающих размеров.

Еще бы! Гизмо Кульчицкий, завсегда́тай светской хроники – маньяк и монстр?! К тому же – подкидыш?!

А настоящий наследник мыльной империи – концерн Кульчицкого производил стиральные порошки и прочую мощную химию – чешуйчатый урод! Генетический отброс, страдающий ихтиозом Арлекино...

Кстати, в клинику пытались прорваться не только папарацци – на Павла жаждали взглянуть медицинские светила. Это ведь настоящая научная сенсация – люди с такой болезнью дотягивают максимум до подросткового возраста, и жизнью их существование назвать нельзя.

А тут – мало того что парню уже под тридцать, так он еще и чувствует себя превосходно, ловок, гибок, силен! И интеллект зашкаливает!

Это еще никто не знает о ментальных способностях Павла. Об этом известно только мне – Арлекино (так называл себя Павел в социальных сетях Интернета) проявил их в полной мере там, в крысиной пещере, когда схлестнулся с Гизмо.

Я не знаю, что это было – гипноз, телепатия, еще что-то? Мощное, парализующее, невидимое глазу давление. Гипнотизирующий голос, звучащий словно бы отовсюду. Полное ощущение того, что с тобой разговаривает не человек – бог.

А еще раньше, когда Павел подбрасывал украденных у Гизмо девушек людям, он общался со мной телепатически. Это именно я нашла одну из бедняжек, Монику. И направ-

лял меня звучащий в голове голос.

Как я теперь знаю – голос Павла.

Если честно, Арлекино мог с легкостью обладателя тапка прихлопнуть как таракана обезумевшего от безнаказанности Гизмо. Но Марфа, которую он считал матерью, взяла с него слово – не причинять вреда Сигизмунду...

Зато душка Гизмо ни секунды не сомневался, стреляя в явившегося из мрака пещер монстра.

А потом этот монстр, истекая кровью, волок на себе раненного собственным подельником Гизмо.

Сигизмунда Кульчицкого, кстати, тоже прооперировали. И к нему тоже пытаются прорваться журналисты. Но там – вообще без вариантов.

Несмотря на истерику жены, Венцеслав не предпринял никаких мер против помещения Сигизмунда в медицинский изолятор СИЗО.

Насколько мне известно, Магдалена так и не приняла родного сына, для нее существовал только Гизмо. Женщина за много лет привыкла считать мальчика родным ребенком, она убедила себя в этом и теперь не могла простить мужу «предательства» по отношению к их сыну.

Кстати, сама Магдалена до недавнего времени находилась под домашним арестом, ей было запрещено выходить за пределы поместья.

За что?

А за то, что отправила несколько цепных псов из служ-

бы безопасности мужа (без ведома Дворкина, кстати) «разобраться» с моими родителями.

Мамик с папиком нашли в лесу последнюю жертву Гизмо, спасенную Павлом. И принесли девушку к нам домой. А кто-то из соседей увидел их и немедленно доложил «барыне».

И Магдалена, к которой накануне с черной исповедью прибежал почуявший проблемы сынок, решила спасти дымящуюся тыльную часть мальчонки.

Дамочке даже в голову не пришло сдать своего психа если не в полицию, то хотя бы в дурку. Нет, она купила Гизмо билет на самолет, чтобы отправить малыша в Европу, а заодно – подчистить следы.

Добить выжившую девку, чтобы молчала. И тех идиотов, что приволокли ее из леса.

В общем, наш новый дом едва не сожгли вместе с находящимися внутри мамой Ларисой, папой Колей и спасенной девушкой. И если бы не помощь Мартина, подоспевшего вовремя...

Даже думать не хочу!

Да и некогда мне думать – пора гостей принимать.

Вернее, гостью. Монику Клишко.

Ту девушку, которую нашла в лесу я.

Если честно, не ожидала ее увидеть. И не потому, что бедняжка была изуродована и истощена до такой степени, что ее с ходу поместили в реанимацию.

С того момента прошло уже десять дней, так что физиче-

ски Моника, наверное, вполне могла уже самостоятельно передвигаться по клинике. Проблема была в другом.

Моника провела в плену у Гизмо и его уродского помощничка (уродского во всех отношениях – Афанасий был редким уродом внешне и умственно отсталым к тому же) почти год...

Год в подземелье, год пыток, год насилия, год жутких издевательств.

Сохранить в таких условиях здравый рассудок практически невозможно. Сознание, спасая хозяйку от гнусной реальности, благополучно ушло в анабиоз. И когда я нашла Моника, разума в ее глазах не было...

Поэтому с первых же дней помещения в эту клинику, насколько мне известно, параллельно с лечащим врачом Моника наблюдал профессор психиатрии, привезенный отцом Моника, банкиром Игорем Дмитриевичем Клишко.

Но я не думала, что профессор сможет так быстро добиться положительной динамики!

Во всяком случае, в глазах осунувшейся, остриженной почти наголо, бледной до синевы девушки теперь прятался в глубине зрачка живой и любопытный солнечный зайчик.

Моника тенью – и это не метафора! – проскользнула в мою палату и, выглянув наружу, тщательно прикрыла за собой дверь. Прижалась к ней спиной и смущенно улыбнулась:

– Здравсьте. К вам можно?

– Здравсьте-здравсьте. – Я спустила ноги с кровати и села. –

У меня встречный вопрос – а тебе можно?

– В смысле? – Тоненькие аккуратные ниточки бровей удивленно прыгнули вверх.

– В прямом. Ходить тебе вообще можно? Судя по твоему виду, тебя на специальном кресле возить должны, и желательно в безветренную погоду, если на улицу соберетесь.

– Почему в безветренную?

– Чтобы не выдуло случайно из кресла.

– Скажете тоже! – хихикнула Моника. – Я нормально себя чувствую. Уже почти не больно... И не страшно...

На мгновение лицо девушки исказила гримаса боли. Не физической – душевной. Она подошла поближе и, судорожно вздохнув, плюхнулась рядом со мной на кровать и обняла, прижавшись к плечу носом.

– Спасибо вам, – еле слышно пробубнила она. – Если бы не вы... Мне мама рассказала, что вы искали меня... Искали и нашли...

– Во-первых, давай-ка на «ты», – сурово шмыгнула я носом. – Я не намного старше тебя...

– Давай!

– А во-вторых, найти тебя мне помогли. Вернее, помог.

– Кто? – выдохнула Моника, подняв на меня огромные глазищи.

– А что тебе вообще известно о случившемся за последние дни?

– Ну, папа мне сказал, что его... что этого... – Губы де-

вушки затряслись, и я пришла на помощь:

– Да, этого урода поймали. Он в тюрьме и оттуда вряд ли выйдет, не бойся.

– И папа так говорит, – тяжело вздохнула Моника. – И мама.

– А что еще они тебе рассказали?

– Про вас... ой, про тебя! Как ты меня два раза спасла! И если бы не ты...

Она опять засопела мне в плечо.

– Это все? Больше ты ничего не знаешь?

– Больше ничего. Ираклий Георгиевич сказал, что этого пока достаточно.

– Это кто?

– Мой врач. Психиатр. – Моника заметила мое смущение и улыбнулась. – Да ладно! Все в порядке! Ираклий Георгиевич – он хороший. Он меня вытащил из... Вернул, в общем.

– Ну и замечательно! Рада за тебя!

– Варь, – девушка просительно заглянула мне в глаза, – а ты так и не сказала мне, кто тебе помог меня найти? И родители что-то скрывают, я же вижу!

– Со временем, думаю, ты все узнаешь. Когда этот твой Ираклий Георгиевич разрешит. Сейчас, наверное, еще рановато.

– Наверное, – прошептала Моника, горестно ссутулившись рядом со мной. – Потому что я еще не выздоровела. И немножечко еще сумасшедшая...

– Почему ты так решила?

– Потому... – Девушка отвернулась, помолчала пару мгновений, затем еле слышно произнесла: – Потому что я его слышу. Постоянно. Как только вернулась. Если честно, я и вернулась только потому, что он меня позвал.

– Кто – он?

– Арлекино.

Глава 3

Понятно. Кстати, Павел мне еще там, в пещере, упоминал, что чувствует Монику, знает, что она жива. Видимо, отыскав девушку в подземелье, он настроился на нее и больше не прерывал связь, боясь снова потерять.

Вернее, не уберечь от беды.

Ведь знай Павел, что на самом деле случилось с его любимой, у нее не было бы целого года издевательств и страха...

Да, именно любимой. Моника и Арлекино познакомились в Интернете, в одной из социальных сетей. Единственное окно в мир для прячущегося от людей «монстра».

Там не обязательно вывешивать свое фото, можно ограничиться любой картинкой. Павел и ограничился изображением веселого Арлекино.

Молодые люди познакомились, начали общаться, и постепенно ни к чему не обязывающее знакомство переросло в нечто большее...

Настолько большее, что Моника наотрез отказалась знакомиться с выбранным родителями «подходящим» парнем.

Наследником «мыльного короля» Сигизмундом Кульчицким.

Банкир и его жена решили действовать хитростью и пригласили семейство Кульчицких на ужин. Где Моника и Сигизмунд все же познакомились.

Но расчет на внешность красавчика Гизмо не оправдался. Наверное, не будь в жизни Моники Арлекино, она и повелась бы на смазливую мордашку, подкачанное в тренажерке тело и парочку приемов пик-апа. Молодая ведь совсем девчонка, неопытная, двадцать лет всего.

Но Арлекино был. Тот, кого Моника ни разу в жизни не видела. И даже голоса его не слышала – общения по скайпу Павел, разумеется, избегал. Они просто переписывались.

Казалось бы, что тут такого? Разве может переписка заменить живое общение, а виртуальный персонаж – реального красавчика, по которому сохнут гламурессы всех возрастов?

Но Моника наотрез отказывалась продолжать знакомство, отклоняла все приглашения Гизмо в клуб, на концерт, в ресторан, за город и т. д. и т. п.

Кульчицкие стали выражать недовольство – впервые их капризный сынок одобрил выбор родителей и готов был жениться на выбранной ими девушке, так теперь девушка решила повыкобениваться!

Мысли, что их красавчик Гизмо может кому-то не нравиться, супруги Кульчицкие даже не допускали.

И Элеонора, мать Моники, решила разобраться в причинах ненормального, по ее мнению, поведения дочери. Ведь Моника ни с кем не встречалась, кавалеров на момент знакомства с Сигизмундом у нее не было, так какого черта?!

Попытку поговорить «по душам» Моника отвергла – особой близости на тот момент у матери с дочерью не было.

Тогда Элеонора, не находя в этом ничего предосудительного, залезла в дневник дочери. И нашла там ответ на свой вопрос.

И не знала, смеяться или плакать. Арлекино! Виртуальный персонаж! Причем неизвестно, кто на самом деле скрывается за этим ником! Там может быть и старик, и девица, и тетка, и, не дай бог, извращенец какой!

В общем, Монику, как морковку, выдернули из интернет-пространства. Забрали ноутбук, планшет, заменили айфон на самый обычный дешевый мобильник, по которому можно только звонить да эсэмэски отправлять. К девушке приставили охранника, якобы для ее безопасности. А на самом деле для того, чтобы Моника не заходила в интернет-кафе.

В общем, Арлекино решил, что девушка просто бросила его, увлекшись красавчиком Гизмо.

Тогда Павел еще не знал, чем развлекается воспитанник его мамы Марфы. И считал Сигизмунда всего лишь избалованным, наглым, бездушным мажором. Перед которым не могли устоять и девушки поопытнее дурочки Моника...

И об исчезновении Моника Климко и ее подруги Аси Павел не узнал...

Пока ко мне на прием, спустя почти год после трагедии, не пришла мать Моника, Элеонора. Измученная, постаревшая женщина, осознавшая все свои ошибки и замкнувшаяся в коконе горя.

Если вы думаете, что работа психолога – всего лишь выслушивать треп удобно устроившегося на диване или в кресле пациента, вы заблуждаетесь.

Да, хватает и таких, которые ходят к психологу, потому что это модно. И я, если честно, рада, что этих большинство.

Потому что когда появляется вот такой сгусток душевной боли, как Элеонора Климки, это тяжело. И не только психологически, но даже физически.

После первых наших сеансов я чувствовала себя выжатой, как тряпка в руках школьной уборщицы, могучей тети Клавды, – досуха.

Но постепенно дело пошло, и Элеонора начала оттаивать. И открываться.

Тогда-то я и узнала историю Моники. И решила отыскать загадочного Арлекино.

Если честно, тогда я думала, что именно он причастен к исчезновению Моники. Мыслила теми же штампами, что и Элеонора: с тем, кто прячется за клоунской картинкой, категорически отказываясь от живого общения, явно что-то не так.

Псих, точно псих. И это псих вполне мог обидеться на резко прерванные отношения. И выследить Монику. И...

Все остальное.

В общем, я решила найти Арлекино. Хотя инстинкт самосохранения истерил по полной программе, наматывая круги над моим разумом и громко барабаня в большую кастрюлю.

Потому что ничего другого под рукой у него, у инстинкта, не было.

Мой заботливый инстинкт не только грохотал, он и орал, и дудел, разве что по башке не мог мне настучать. А жаль...

Хотя нет, не жаль. Да, я вляпалась, да, едва не погибла сама и подвергала риску родителей, но...

Благодаря моей неугомонности Павел спас Монику и Карину, последнюю жертву Гизмо. А вот Асю – не успел...

В общем, я отыскала в социальных сетях того самого Арлекино. И от меня Павел узнал, что его девушка пропала. И где именно это произошло.

А пропали Моника и Ася с пляжа небольшого чистого озера, расположенного неподалеку от имения Кульчицких...

Только тогда Павел сопоставил случаи исчезновения окрестных девушек и Моника с Асей. И понял, кто может стоять за всем этим...

Он пришел к той, кого считал своей матерью и всего лишь нянькой-кормилицей Сигизмунда. Марфа, которая давно догадывалась о «шалостях» сына, не выдержала и расплакалась. И все рассказала Павлу.

А потом взяла с него слово не причинять вреда Сигизмунду...

Вы можете себе представить, КАК сложно было Павлу сдержать слово, когда он нашел место, где Гизмо прятал свои жертвы?!

И увидел истерзанных девушек...

Я лично – не могу. Потому что видела – Павел действительно любит Монику. Безнадежной, но от этого не менее сильной любовью...

Он смирился с тем, что девушка бросила его – разве смогла бы она даже взглянуть на чешуйчатого монстра без крика ужаса?

Но осознать, что на протяжении года здесь, всего в нескольких километрах от его собственного убежища, над Моникой глумились Гизмо и его урод-помощник?! А он, Павел, даже не почувствовал этого?! Не услышал боль и ужас любимой...

Я не знаю, почему Павел действительно не «услышал» Монику. Скорее всего, именно потому, что не ожидал услышать. Не настраивался. Не искал.

Но зато когда нашел – больше не терял.

И вот теперь бедная девушка думает, что по-прежнему не в себе...

Глава 4

– Варя! Варь, ну ты что?

Голос Моники донесся словно издалека. Я вздрогнула и рефлекторно вякнула:

– А? Где?!

Как дед Пахом спросонья. Для полноты образа надо было бы еще сморкнуться через левую ноздрю и покряхтеть, но – чего не умею, того не умею.

Сопли по земле разбрасывать с энтузиазмом сеятеля не умею. И плющит меня конкретно, когда вижу виртуозов этого дела. Есть же носовые платки...

– Варя!

Чегой-то меня опять не в ту степь понесло. Или отводит кто-то от важного разговора?

«Павел, прекрати!»

«Не говори ей, не надо!»

«Сам виноват!»

«Я... я не знал, что она меня слышит!»

«Он не знал, а мне выкручивайся!»

«Варя, ну пожалуйста!»

«И что, пусть Моника по-прежнему считает себя сумасшедшей?!»

«Нет!»

«Тогда оставь ее!»

«Не могу...»

«Ну и все, и не мешай тогда!»

«Варя!»

«Отстань, кому сказала!»

– Варя?

Вероятно, во время ментального диалога с Павлом лицо мое вовсе не являло образец одухотворенности и избытком интеллекта тоже не радовало.

Во всяком случае, Моника смотрела на меня с испугом и сомнением. Сомнением в моих умственных способностях.

Интересно, а слюни я изо рта пустила?

Рука, опережая команды разума, тут же метнулась к губам и подбородку. Уффф, все в порядке, сухо.

Я постаралась в темпе перевести взгляд в режим «взор». Ну, мудрый такой, глубокий, вдумчивый взор.

Старой вороны на заборе.

ТЬфу ты, что за напасть! Павел, прибью! Шутник, елки-палки! Ну все, ты дошутился!

– Варь, с тобой все в порядке? – озадаченно поинтересовалась Моника. – Я, наверное, пойду.

Девушка поднялась и хотела было направиться к выходу, но я перехватила ее ладошку:

– Постой! Моника, запомни, пожалуйста, главное: ты – не сумасшедшая.

– Но голос... – жалобно произнесла девушка. – Я слышу голос в моей голове! И точно знаю, что это голос Арлекино!

А ведь мы с ним не разговаривали, только переписывались!
А голоса слышат только психи!

– Ну, в таком случае я тоже псих.

– Что... что ты имеешь в виду?

– Ты ведь заметила сейчас... м-м-м... некоторые странности в моем поведении? – усмехнулась я.

– Ну-у-у... – Моника скорчила забавную гримаску и отвела взгляд.

– Было-было, я знаю. Так вот, это я с Павлом цапалась.

– С кем?

– С Арлекино.

– Что-о-о?! – Моника сначала отшатнулась, а затем вцепилась в мои плечи с силой, которую трудно было ожидать от тени. – Ты зачем сейчас так сказала? Ты меня успокоить решила, да?! Пошутить?!!

«Ну что, довольна?»

– Отвяжись!

Мой рявк, как ни странно, уgomонил девушку, а может, просто силы кончились. Моника отпустила меня и, всхлипывая, присела на край кровати:

– Чего сразу – «отвяжись»? Сама издевается, и сама потом кричит!

– «Отвяжись» адресовалось не тебе, а одному вьедливому типу.

– Ты опять?

– Снова. Ладно, Моника, – я обняла ссутулившуюся де-

вушку и прижала к себе, – пусть меня потом твой профессор закопает, но я расскажу тебе правду.

– К-какую? – Боже мой, сколько надежды вдруг всплеснулось в этих глазах!

– В общем, тебя спас Арлекино.

– Но... как это? Ты же меня нашла, мне так родители ска-зали!

– Я нашла тебя в лесу, там, куда принес тебя Павел. В смысле – Арлекино. Он же навел меня на это место. Мысленно навел, понимаешь?

– Но... разве так бывает? И откуда он узнал, где я? И почему не искал так долго? И... где он был, где, когда там... когда меня... Где-е-е-е?!!

Шепот перешел в крик, Монику затрясло, она начала задышаться, глаза закатились, лицо, и без того не радовавшее румянцем, выцвело до голубизны.

Убежать в поисках врача я не могла – надо было удерживать на месте бьющуюся в странном припадке девушку.

– Павел, сделай же что-нибудь!!!

«Уже. Ну что, довольна?»

– Заткнись! Сам виноват! Нечего было лезть!

Ответа я не услышала. А может, его и не было вовсе, не знаю. Меня отвлекли.

Ворвавшийся в мою палату эскадрон врачей, медсестер, какого-то дородного дядьки кавказской внешности и арьергарда в лице Элеоноры.

Весьма побледневшем лице, надо отметить.

– Что? Что с ней?! – сдавленно выкрикнула женщина, пытаясь прорваться к окруженной медперсоналом дочери.

Но ее оттерли так же бесцеремонно, как и меня. Врач отрывисто отдавал какие-то распоряжения, буквально через пару мгновений появилась каталка, Монику сделали какой-то укол, начали укладывать на каталку.

– Варя, – от страдания в переполненных слезами глазах Элеоноры мне стало совсем тошно, – что у вас тут произошло?

– Вы ей ничего лишнего не сказали? – От проникающего, казалось, в самую глубину души взгляда темно-карих глаз спрятаться было невозможно.

– Варя, это Ираклий Георгиевич, он...

– Я знаю, кто он, Элеонора. – Как ни странно, вялая попытка женщины проявить вежливость помогла мне собраться. И с мыслями, и с чувствами, и с эмоциями. – Мне Монику рассказывала.

– Так о чем вы тут беседовали? – продолжал просвечивать меня взглядом профессор психиатрии.

Ну, я хоть и не профессор и даже не психиатр, но все же психолог. К тому же сумевший сконцентрироваться психолог. Ничего никому не скажу!

«Струсил?»

«Не твое дело! Все из-за тебя, между прочим!»

– Ни о чем таком мы не беседовали. Если честно, я вообще

не ожидала увидеть Монику! Я думала, что она пока не в состоянии самостоятельно гулять по клинике!

Ну а что? Лучший способ защиты – нападение! Сами не усмотрели, вот!

– Ей действительно нельзя, – всхлипнула Элеонора. – Ранно еще. Но и удержать на месте с того момента, как дочка пришла в себя, ее очень сложно. Не привязывать же ее к кровати! А Монечка так рвалась познакомиться с тобой!

– Познакомилась... – проворчал профессор.

– Да, познакомились! – упрямо задрала подбородок я. – И все было нормально! Приступ начался ни с того ни с сего! Я сама испугалась!

– Да-да, конечно, – невпопад произнесла Элеонора, устремляясь вслед за каталкой, на которой увозили из моей палаты Монику. – Извини.

Она еще и извиняется...

Глава 5

Светило психиатрии еще пару мгновений пыталось просветить меня взглядом, но – «броня крепка и танки наши быстры»!

Да, и броня, и танки! Мысленный блок я давно уже научилась ставить. А мой белоснежный «пыжище» вполне может сойти за танк – внедорожник все-таки. Впрочем, французы бы за такое сравнение обиделись. Наверное.

В общем, не удалось Ираклию Георгиевичу просверлить меня насквозь. Темно-карее сверло обломилось о светло-серую безмятежность.

– Выздоровливайте, – буркнул профессор, выходя. – И постарайтесь пока ограничить контакты с Моникой, пожалуйста.

– Мне что, выгнать ее в следующий раз? – ехидно уточнила я.

– Нет, конечно, просто...

– Ничего простого я в ситуации не нахожу! – вот так, надменно вздернуть нос и губы поджать куриной гузкой.

Правда, образу профессионального психолога несколько подгадила синюшно-желтоватая опухшая физиономия, но сошло и так. Ираклий свет Георгиевич изволили отбыть без дальнейших рекомендаций. И даже дверь за собой закрыл тихо, аккуратно.

Надутый независимостью и стойкостью шарик – в миру Варвара Ярцева – смог наконец-то облегченно выдохнуть. И мгновенно превратиться в невразумительную тряпочку, опустившуюся на кровать.

Сердце у тряпочки колотилось как бешеное, руки тряслись, в душе старательно гадили и закапывали потом «сокровища» кошки. Причем старательно так закапывали, скребли с дурным энтузиазмом, выпустив наружу когти...

Что ж я наделала-то, а? Неужели Моника опять... ну... не в себе? А вдруг теперь – необратимо?!!

Но я и подумать не могла, что так получится! Ведь ничего толком и рассказать не успела!

А надо было думать, голубушка! Забыла, ЧТО пришлось перенести девчонке за проведенный в плену у маньяка год? Ты же сама удивилась такой быстрой психологической реабилитации! Понятно же, что разум Моника вряд ли успел закрепиться на прежних позициях, что он балансирует на грани безумия, а ты...

А я хотела всего лишь помочь! Потому что кое-кто лично убеждал свою девушку в ее сумасшествии! Бубнил и бубнил у нее в голове!

Ну да, мне очень хотелось сейчас поцапаться с Павлом! Излюбленный женский – и не только – метод, между прочим! Перекладывать с больной головы на здоровую.

Но Арлекино молчал. И вряд ли потому, что обиделся. Скорее всего, он был сейчас там, с Моникой. Помогал ей

снова вернуться...

Все, Варька, принимайся за интенсивные тренировки! Лицевые мышцы тренируй! Как зачем? Чтобы зубы крепче сжимать, удерживая на месте слишком длинный язык! Павел и Моника сами разберутся!

Я уже почти целиком скрылась под горкой пепла раскаяния, когда дверь палаты с шумом распахнулась и пепел буквально смело сквозняком.

Сквозняк звали (и зовут) Олегом.

Братишка в гости пожаловал. Только какой-то воинственный он сегодня, нет – злющий! Судя по выражению лица, Олежке сейчас больше всего хочется хорошенько отрихтовать кому-нибудь физиономию.

Надеюсь, не мне, мне уже отрихтовали.

– Привет! – свирепо рявкнул милый братец, пиная в копчик медитировавший у него на пути стул.

Грубо вырванный из дзена стул немедленно отбыл в астрал, завалившись набок и задрав кверху копытца. А Олежка подлетел к небольшому холодильнику, испуганно жавшемуся в углу палаты, и, бормоча что-то явно нелитературное, начал метать из сумки на полки харч. Баночки, пластиковые контейнеры, пакетики, пакеты, соки...

Понятно. Мамусик «передачку» собрала для хворой дочушки.

Пока они с папиком сами находились в больнице, приходя в себя после отравления дымом, содержимое моего холо-

дильника и тумбочки было вполне адекватным. Брат таскал (по моей просьбе) пиццу, которую мы с ним на пару быстренько и зажевывали, чтобы медперсонал этот кошмар не увидел. И – о, ужас! – запивали пиццу колой!

Местный диетолог, иссушенная дамочка со стильной стрижкой, увидев это безобразие, вынесла бы мне потом мозг нуднейшими лекциями о правильном питании, с отвращением разглядывая мой сорок шестой размер тела.

Но пока, к счастью, мы с Олежкой застуканы и пристукнуты не были.

Мартин приносил соки и фрукты, причем фрукты – самые лучшие, самые свежие, явно только что с рынка.

Он приходил поначалу каждый день, а потом, когда я пошла на поправку, визиты мужчины моей мечты стали реже. Да и когда он приходил, в глазах его можно было отыскать и заботу, и тревогу, и участие, и даже нежность, но – братскую нежность...

Потому что сердце его вот уже несколько месяцев было занято. Мне Олежка по секрету рассказал.

Наш мистер Ледышка, человек без чувств, жесткий и расудительный Мартин Пименов умудрился втрескаться, влюбиться, пропасть, потерять голову и разум, причем с первого взгляда!

К тому же – прям как в «Золушке» – в незнакомку! И тоже на балу, вернее, на гламурной тусовке, посвященной открытию концертного зала в Марвихе. Именно там Мартин уви-

дел ЕЕ: изящную, сексапильную, окутанную облаком роскошных светлых волос, с мерцающими огромными глазами, с бархатным мурлыкающим голосом. К тому же – острую на язычок и умную.

Как она парой слов раскатала в моральный блинчик спутницу Мартина Линду Старр! Модельку, уже почти год занимавшую место в постели холостого олигарха и всерьез присматривавшуюся к обручальным колечкам, щедро усыпанным бриллиантами.

Именно из-за скандала, устроенного Линдой, Мартин и не смог тогда познакомиться с поразившей его девушкой. Он пытался ее отыскать, расспрашивал устроителей, показывая сделанное на мобильный фото, но увы – незнакомка оказалась незнакомой всем...

И Мартин тосковал. И эту тоску иногда не мог скрыть даже во время дружеских визитов ко мне в больницу...

А я, между прочим, ни секундочки не расстраивалась. И ни капельки. И даже ни грамма.

Потому что той самой таинственной незнакомкой была я.

А Мартин меня не узнал в боевом раскрасе и без вечной косички.

Спасибо Олежке, мгновенно опознавшему меня по фото в мобильнике Пименова, – брат сумел удержаться от радостно-дебильного «Так это же Варька!». И буквально лопаюсь от нетерпения, примчался тогда с потрясающей новостью ко мне. А я попросила брата ничего не говорить Мартину.

Почему?

А обиделась, вот.

И этот на смазливую внешность повелся! Бесцветная моль Варя Ярцева, значит, всего лишь сестренка, да? А мы будем тосковать и вздыхать по красотке?!

Вот и тоскуй дальше!

Хотя... Если честно, я просто не знаю, как теперь быть. Тогда, сразу после визита брата, я действительно надулась. Ну а что, теперь имею право – мужчина моей мечты мой!

А потом события понеслись вскачь. И я видела, КАК переживал за меня Мартин. И поняла, что стала для него близким человеком. Правда, кем-то вроде сестренки.

Но иногда... Иногда в его глазах мелькало что-то другое. Особенно в первые дни, когда мне было совсем плохо.

А потом мне стало лучше. И Мартин опять начал тосковать и вздыхать.

Дурацкая ситуация, если честно. Мне что, накраситься теперь и заявиться к Мартину, выпрыгнув из-за двери с воплем «Сюрприз!»? А что тогда делать Олегу, чем оправдать свое молчание?

Но вряд ли сейчас свирепое настроение братца связано с угрызениями совести.

Так, пора его остановить, иначе дверца холодильника не закроется.

Мама уже три дня дома, и за эти три дня на пару кило поправились практически все обитатели соседних палат и мед-

персонал. Которым я старательно скармливала тонны вкусняшек, присылаемых мамиком.

Но террор продолжался. И это все больше напоминало мне сказку про горшочек с кашей, когда каша затопила целый город.

Но если там были волшебные слова «Горшочек, не вари!», то в случае с мамиком волшебных слов не существовало...

О чем и свидетельствовало натужное кряхтенье холодильника.

Глава 6

А вы бы не кряхтели, получив внутрь груз, рассчитанный на карьерный самосвал? Причем не по доброй воле, увлекшись излюбленной русской забавой – пожрать, а насильно, как несчастный гусь, откармливаемый для фуа-гра?

– Олег, угомонись! Хватит! Ты же видишь – дверца холодильника уже не закрывается!

– Ничего, – свирепо пропыхтел братец, – закроется! Сейчас я ее коленкой...

– Это я тебя сейчас коленкой! Ты чего казенное имущество уродуешь? Сначала стул запинал, теперь над холодильником глумишься! Тебя кто-то укусил по пути?

– С чего ты взяла? – фыркнул Олежка, запихивая последний сверток, вовсе не желавший запихиваться – он все время вываливался и смачно ляпался на пол. – Вот зар-р-раза! А ну, пошел! Пошел, кому говорят!

– Сударь, мне показалось, – вкрадчиво поинтересовалась я, – или вы на самом деле разговариваете с едой? Решили подзаработать на рекламе, как Антонио Бандерас? Тот с пончиком беседует, а ты с чем? С котлетами? С пирожками?

– Сливы, – виновато почесал затылок брат, поднимая с пола капающий сверток. – Это были спелые, сочные сливы. Желтенькие такие, нет – янтарные. Очень сочные, очень. Свежевыжатого сока не желаешь? Прямо из пакета?

– Иди в пень, – ласково посоветовала я. – Чего бешеный-то такой, а?

– А, достали! – Олежка поднял стул, подтянул его поближе к кровати и плюхнулся на него, причем проделал все это одной рукой, вторая была занята мокрым пакетом.

– Кто достал? Или что? Подружка? Работа? Да выкинь ты эти сливы! Весь пол закапал! И, кстати, свои модные штанцы тоже.

– Где? – всполошился Олежка, осматривая светло-бежевые брендовые брючата. – Бли-и-ин!

Увидел. Желтые пятна сливового сока, причем на весьма пикантном месте, ассоциативно намекающие на совсем другое происхождение желтых пятен.

Следующие пять минут я с живым интересом наблюдала за манипуляциями брата, больше напоминавшими танец шамана народа манси. Ну, или ханты.

Метания, кружения, завывания, судорожные рывки, потом что-то происходило в санузле – под непрекращающееся камлание слышался плеск воды.

Но вот, наконец, все закончилось. Сливки успокоились в мусорном ведре, а мрачный Олежка снова сидел передо мной на стуле. Мелких желтых пятен больше не было. А вот одно, но большое и мокрое, – присутствовало.

– Фен дать? – заботливо предложила я. – Только осторожно, поставь на средний режим, а то сваришь...

– Ха-ха-ха, – угрюмо пробурчал брат. – Какой тонкий, не

побоюсь этого слова – изящный – юмор! Нет уж, так сохнуть буду. И сидеть у тебя, пока не высохну!

– Мне показалось, или это была угроза?

– Да! Буду вот тут сидеть, нудить, петь похабные частушки, приставать к медсестрам...

– Главное, не к медбратьям.

– Варька, ты что, «Аншлагом» тут со скуки увлеклась? Судя по оригинальности шуток.

– Олежка, ты мне зубы не заговаривай. Давай колись, кто тебя так выбесил?

– Да с чего ты взяла? – пожал плечами братец, слишком независимо глядя на меня. – Никто меня не бесил, так, настроение хреновое. Все как-то навалилось сразу, и...

– Олег! Сейчас стукну!

– Ладно-ладно, не бузи, – примирительно выставил вперед ладони Олежка. – Ты права, достали меня.

– Кто?

– Ай, – отмахнулся брат, – все те же. Газетчики, журналоги. Они думают, если я стрингер, фотограф, то по определению падальщик!

– В смысле?

– В прямом! Они меня с ходу узнали, еще в тот день, когда мы тебя и Пашку сюда привезли. И началось! Звонят домой, на мобильный, в Интернете мозг выносят!

– И чего им надо?

– Пашку! Вернее, хоть что-то про него! Любую инфу! А

если сфотографирую уroda...

– Сами они уроды!

– Согласен. Короче, за снимки Пашки обещают любые деньги. А если что-то типа интервью с ним – дважды любые! А когда я их посылаю далеко и надолго – сначала искренне удивляются, а потом так понимающе прищуриваются: «Ну конечно, это твой эксклюзив! Небось, под своим именем хочешь разместить! На Западе».

– А ты не хочешь?

Ну да, провокаторша я, но Олежка так забавно злится! Хотя иные дамочки, возможно, назвали бы этого раскрасневшегося взъерошенного ежа сексапильным и притягательным.

Еж покраснел еще сильнее и заорал:

– Варька!!! Да как ты... Да я... Ведь Пашка – он мой друг!

– Даже так? – Теперь я удивилась искренне – Олежка ни разу не упоминал, что подружился с Арлекино. – Друг? Уже?

– Именно так! Пашка – он классный! Нормальный такой мужик, настоящий. И толковый – даже Мартин слегка ошалел, когда Пашка ему между делом пару советов по бизнесу дал.

– И Мартин с Павлом подружился?

– Насчет подружился – не знаю, ты же в курсе, как тяжело он сходится с людьми. Но Пашка его поразил, это точно. Парень всю жизнь провел в пещере, самоучка, все образование – книги да Интернет, а разбирается во всем, да еще и несколько языков иностранных знает! Гений!

– Ух ты, сколько восторга! Хотя согласна с тобой – Павел действительно классный.

– Не то слово! А вот кто на самом деле урод – так это красавчик Сигизмунд. – По скулам Олежки прокатились желваки. – Мамашка его... вот ведь сука, а? И слышать ничего о Павле не хочет, красавчику своему в ж... дует, да так старательно, что аж сквозит! Мартин говорил, вроде эта Магдалена наняла лучших адвокатов себе и сыночку. И все вместе они землю носом роют, чтобы Сигизмунда признали невменяемым и поместили в психушку. А оттуда маменька его быстро вытащит и в какую-нибудь Швейцарию отправит!

– Она сама по этапу разве не собирается идти?

– Варька, ты сейчас серьезно? – приподнял брови брат. – Ты на самом деле думала, что Магдалене грозит реальный срок?

– А то, что она отправила...

– А теперь выяснилось, что никого она не отправляла, парни к нам наведались по собственной инициативе.

– Понятно. Откупилась.

– Само собой.

– И что, Венцеслав в деле? Помогает вытащить наследничка?

– Нет, Магдалена управляется сама, у нее, оказывается, есть собственный счет, вот она с него и сорит деньгами. А Венцеслав просто ей не мешает. Не помогает, но и не мешает. Все-таки он столько лет считал Гизмо сыном... Знаешь,

все, кто знает Кульчцкого, в том числе и Мартин, очень удивлены реакцией Венцеслава на открывшиеся обстоятельства. Его помешанность на чистоте крови давно уже стала предметом подкальваний и обсуждений. И вдруг – с ходу признать сына с серьезным генетическим отклонением! Да еще и официально собирается все это узаконить! Так что скоро наследником всего состояния Кульчицких станет Павел. Как только сделают ему документы – так и станет паном Кульчицким. А поступок Магдалены отчасти понятен...

– Ни фиги себе! Велела придушить своего ребенка!

– Женщина во время родов частенько с адекватностью не очень дружит. А тут еще и перетрусивший врач бензинчику в огонь психоза плеснул. Между прочим, Пашка мать не осуждает. Не любит, конечно – Магдалена ему, по сути, чужая, – но и не осуждает. И даже жалеет. И сволочь эту, Гизмо, тоже пожалел, пусть и по просьбе Марфы! Еще и волок на себе кабана такого! Кстати, – оживился Олег, – местные эскулапы поражены, с какой скоростью восстанавливается Пашка! Ранение у него было тяжелое, да еще и крови потерял много, – думали, дней десять в реанимации, не меньше! А он – на второй день уже встал с кровати!

– Поэтому им не только папарацци интересуются.

– Вот именно, не только, – снова помрачнел брат. – Один такой «не только» и высадил меня сегодня на коня.

– Так, с этого места поподробнее!

– Да ну, достали! Еще и угрожать вздумали теперь!

– Угрожа-а-ать?

– Представляешь? Выхожу я, значит, из машины, выволакиваю из багажника набитый мамой выюк провизии для тебя, тут он ко мне и подошел. Прегнусный тип, если честно, меня аж передернуло от одного его взгляда!

– Бандит, что ли?

– Не знаю. Внешне – вроде не похож. Тощий, длинный, прилизанный – на ботана похож. Вот только глазки у этого ботана – холодные и пустые. Как у рептилии.

Глава 7

– Не очень удачное сравнение для того, кто считает себя другом Павла, – фыркнула я.

– Пашка – не рептилия, – нахмурился Олег. – У него-то как раз глаза человеческие, умные, теплые, живые. И рядом с ним – легко и комфортно. А вокруг этого типа словно воздух тяжелее становится, прямо дышать нечем. И когда он в глаза смотрит своим оловянными пуговицами, кажется, что руки-ноги отнимаются.

Опаньки! А ведь чем-то подобным владеет и Арлекино! Там, в пещере, когда он схлестнулся с Гизмо, тоже воздух был тяжелым и давящим. Любопытно!

– Ну, и что хотел страшный человек? – Я постаралась ничем не выдать свою заинтересованность, щедро плеснув в голос скепсиса. – Чем он так тебя напугал?

– Не напугал, а разозлил! – мгновенно завелся брат. А когда Олежка на взводе, особой прозорливостью и наблюдательностью он не отличается. – Сначала тоже деньги предлагал, а потом начал шипеть насчет того, что, мол, неправильно я себя веду, совсем не думаю о близких. А ведь у меня родители только-только из больницы вышли, а сестра все еще здесь находится. Как бы чего с ними не приключилось! Несчастный случай, к примеру.

– Ничего себе! – присвистнула я. – Это что же, ради экс-

ключива журналисты готовы на криминал пойти?

– В задницу он пошел! – рявкнул Олежка. – Во всяком случае, именно в том направлении я его и послал. И не журналист он, я ведь тебе говорил!

– А кто? Неужели ученый? Эдакий мафиози со степенью?

– Не придуривайся, Варька. Тип на самом деле левый какой-то.

– В смысле – левый?

– Ну, странный. Не журналист – стопудово, не врач и не ученый – тоже, те совсем другие. И интересуются по большей части физическими особенностями Пашки: как он выжил, как живет, как себя чувствует, почему так быстро регенерирует и все такое.

– А этот чем интересовался?

– А этот вообще непонятно чем. Пургу какую-то нес насчет способностей Пашки к гипнозу, не экстрасенс ли он, какая у него кровь...

– Что? – слегка офонарела я. – Кровь?! При чем тут кровь? Резус, что ли, или группа?

– А фиг его знает! Он как раз угрожать мне начал, ну, я его и послал. Псих какой-то! Но поганый псих, если честно. Надо будет Мартину рассказать, посоветоваться.

– Насчет чего?

– Насчет охраны для тебя и отца с мамой.

– Да ну, Олежка, ты что! Если на каждого психа начнем внимание обращать, вообще жизни не будет!

Я, конечно, бодрилась, но рассказ брата восприняла гораздо серьезнее, чем показывала. Потому что незнакомец ЗНАЛ, чего можно ожидать от Павла. И сам, похоже, владел чем-то подобным. Но Олежка ничего не сказал о внешнем сходстве того типа с Павлом. Да и, насколько мне известно, страдающие ихтиозом Арлекино до возраста Павла не доживают. Именно это ведь и стало научной сенсацией.

– Ну да, псих, но опасный псих. – Видно было, что Олег встревожен. – Я вот сейчас, пока тебе рассказывал, понял – с этим парнем могут быть проблемы.

– Почему?

– А чем больше я о нем думаю, тем поганей на душе. Давит как-то, маетно. И с чего он взял, что Пашка экстрасенс? Ну, Пашка гений, конечно, но насчет гипноза или чтения мыслей на расстоянии – ерунда все это!.. Стоп!

Брат подпрыгнул, словно ему шило в одно место из стула вонзилось. Затем прищурился и, наклонив голову, буквально впился в меня взглядом:

– А вот я тут вспомнил, сестричка моя дорогая, твой рассказ о том, как ты нашла Монику в лесу!

– И что же ты такого вспомнил?

– А то! Сама ведь говорила – словно звал кто-то, торопил! Мы все еще подумали тогда, что это сама Моника на грани сумасшествия сумела проделать.

– Н-ну да.

Памятливый ты наш!

– А теперь этот тип насчет ментальных способностей Пашки выспрашивает! Ну-ка, дорогая моя сестричка, колись, что знаешь!

– Ничего я не знаю! – Я с максимально независимым видом пожалала плечами. – Может, и звал тогда меня именно Павел, но утверждать не берусь. Ты сам лучше своего друга расспроси. Я лично здесь, в больнице, с ним еще не виделась. Хотела, но мне врач пока запретил много ходить. А Павла запрятали от всех в противоположном крыле клиники.

– А и спрошу! – оживился Олег. – Вот прямо сейчас пойду и спрошу!

«Не надо!»

– Почему? – автоматически переспросила я.

– Что – почему? – Уже поднявшийся со стула брат озадаченно приподнял брови. – Почему именно сейчас?

– Ага.

– Чего тянуть-то? Тебя я уже навестил, продукты принес. А Пашка должен знать о непонятном типе. И чем раньше, тем лучше.

«Варя, мне сейчас не до визитов! Моники по-прежнему плохо! Я пытаюсь ее вернуть! Сделай что-нибудь!»

Терпеть не могу манипулировать чужими чувствами, а особенно – чувствами тех, кто мне близок, но – придется. Я ведь отчасти виновата в нервном срыве Моники.

Я горестно ссутулилась на кровати, уткнула лицо в ладони и всхлипнула. Раз, другой, третий...

– Эй-эй, ты чего? – всполошился Олежка. – Что случилось?

– Ничего, – жалобно прошмыгала я, – ты иди, куда шел.

– Варюха, говори немедленно – что с тобой?! – Брат перепугался не на шутку. – Тебе плохо?! Болит? Где? Ну не молчи! Может, доктора позвать?

Вот ведь я свинья, а? Но – не корысти ради, накосячила – помогай.

– Ничего у меня не болит, – прохлюпала я в ладони. – Просто... навестил сестру, называется... На вот тебе пожрать, а я пошел... Мне к другу надо... И даже не спросил – как я, что у меня... А мне, может быть, плохо...

– Так я ж говорю, – подхватился брат, – давай врача свистну!

– Да мне не физически плохо! У меня душа болит! Понимаешь, ко мне сегодня приходила Моника...

– Моника? Сама?! Она же... ну... не совсем в порядке в смысле психики!

– Я сама удивилась... А потом обрадовалась... Мы с ней так славно поговорили, она очень милая девчонка...

– Ну и?

– Не знаю, что произошло... Вроде ничего такого я не сказала, болтали о том о сем... И вдруг у Моника начался приступ! Ее буквально скручивало! И она так кричала, так кричала! И глаза... глаза снова стали сумасшедшими!

– Бедная ты моя, – Олежка сел рядом на кровать и участ-

ливо обнял меня за плечи, – испугалась, да?

– Испугалась, конечно! А вдруг это из-за меня? Хотя ничего такого...

– Ну-ну, успокойся. – Брат поцеловал меня в висок. – С Моникой все будет хорошо, вот увидишь! Просто ей рано, наверное, в гости ходить. Как и тебе.

– Ну да, Элеонора то же самое сказала. Моника вроде без спросу ко мне ушла.

– Вот видишь! Твоей вины в срыве нет!

– Хотелось бы... Но так плохо на душе...

А вот это истинная правда.

В общем, к Павлу в этот день Олежка не пошел.

Но к Мартину все-таки пошел. Вернее, поехал. Странный тип всерьез обеспокоил брата.

И меня, если честно, тоже.

Глава 8

А вот я с Павлом в этот день – вернее, вечер – встретилась.

Нет, я к нему в гости не ходила. Во-первых, я действительно пока не очень долго могу находиться в вертикальном состоянии, максимум – до ближайшей лавочки во дворе клиники.

Если честно, сама в шоке от собственной дряхлости. Ну да, я никогда не была завсегдатаем тренажерного зала, но пешком ходила много и с удовольствием. И не так уж серьезно меня избили Гизмо и его помощничек Афанасий, бывало и похуже.

Но вот уже больше десяти дней прошло, а я еле ползаю. Пройду чуток – и приплыли: сердце колотится так, словно километр пробежала в быстром темпе, ноги ватные, руки дрожат...

Врачи успокаивают, говорят – нервное. Слишком уж много случилось всего за один тот день. Да и вкололи мне какую-то гадость подручные Гизмо, когда похищали. Причем вкололи больше нормы, так, на всякий случай, чтобы не рыпалась.

Я вот до сих пор и не могу толком рыпнуться, а хочется. Осточертело отлеживать бока, задыхаться от малейшего усилия, ощущать себя беспомощной обузой для всех...

Но даже если бы уже смогла ходить много и с удовольстви-

ем, я все равно не знаю, где прячут Павла. Это – во-вторых.

Допуск к нему строго ограничен, только свои. В крыле, где находится его палата, по очереди дежурят люди Дворкина – без охраны никак. Надежной охраны, учитывая ажиотаж вокруг Павла.

Так что проскользнуть к Арлекино тайно было невозможно. И выскользнуть, соответственно, тоже.

Думала я.

Пока поздно вечером, уже после больничного коллективного отхода ко сну, дверь моей палаты тихонько не скрипнула.

Я еще не спала, читала при свете ночника книжку. И на открывающуюся дверь поначалу особого внимания не обратила – внимание мое полностью утонуло в хитросплетении сюжета очередного триллера.

Ну да, согласна, мало мне триллера в жизни – я еще и читаю всякие кошмарики! Учитывая мою запутанную ситуацию с Мартином, мне сейчас следует жадно постигать откровения авторов и авторш женских романов, выискивая там подсказку – как же, итить ее через коромысло, распутать ее. Ситуацию.

Но – не могу! И не потому, что все женские романы – чушь и розовые сопли, есть и очень даже талантливые авторы. И авторши тоже.

Просто... я сама разберусь, вот!

А триллеры – особенно мистические, как у меня в руках

сейчас, – они реально отвлекают. От рвущих душу воспоминаний, от чувства вины, от беспокойства за родителей, за Монику, от мыслей о Мартине...

В общем, дверь открылась, потом закрылась, но я на посторонние раздражители по-прежнему не реагировала. Наверное, медсестра зашла, какой-нибудь очередной укол мне вогнать в и без того уже похожую на дуршлаг верхнюю четвертинку многострадального сидалища.

– Да-да, минуточку, – пробормотала я, не отрываясь от книжки, – сейчас повернусь. В левую давайте, в правую меня уже кололи сегодня.

– В левую? Давать? Интригующее начало!

От звука мужского низкого голоса и я, и мои руки вздрогнули так, что книжка волей-неволей свечкой взлетела вверх и шлепнулась под ноги...

– Арлекино?! Ты что... ты как сюда попал?!

– И незачем так орать, – очень удачно спародировал Кролика из отечественного мультика о Винни-Пухе Павел, – я и в первый раз прекрасно слышал.

И он смешно дернул носом и поправил указательным пальцем несуществующие очки.

Я невольно хихикнула, и напряжение вместе с испугом рассыпались на мелкие радужные осколки.

Напряжение – от неожиданности, испуг... ну, я за прошедшие дни больше ни разу не виделась с моим спасителем, вот и отвыкла немного от его внешности.

От серовато-зеленой чешуйчатой кожи, от лишенной волос, бровей, ресниц и даже ушных раковин головы, от...

А собственно, все.

В остальном Павел ничем не отличался от нормальных людей и, если бы не вышеперечисленное, вообще мог вполне сниматься на обложку модного журнала. Высокий, стройный, широкоплечий, черты лица – правильные, причем без слащавости, большие, слегка миндалевидные глаза непонятного оттенка (то ли карие, то ли зеленые – разобрать в свете ночника сложно).

Олежка правильно сказал – человеческие глаза. Теплые, умные, добрые.

А сейчас – еще и со смешинкой в глубине. И улыбка периодически растягивала уголки твердого, красивого рта.

Я тоже невольно улыбнулась в ответ:

– Рада тебя видеть! И вдвойне рада, что у Моники все в порядке.

– А ты откуда знаешь?

И голос у него – смерть бабцам! Низкий, бархатный, завораживающий.

– Достаточно взглянуть на твою сияющую физиономию.

– А она сияющая? – озадачился Павел, забавно скосив глаза к переносице, словно пытаясь рассмотреть себя. – Я не очень сверкаю? Глаза не слепит?

– Если только слегка, – рассмеялась я. – Прищурившись, смотреть можно. Ты лучше скажи, балабол, как ты сюда по-

пал? Допустим, в клинике уже почти все спят, и ты мог не бояться встретить кого-либо по пути, но как тебя пропустили секьюрити твоего отца?

– А знаешь, – посерьезнел Павел, – так странно это слышать – «твоего отца». Я привык считать, что отца у меня нет. Нет и не было. Мама Марфа никогда не говорила о нем, а я и не спрашивал. Хотя, когда был маленький, всерьез думал, что отцом был Змей Горыныч из сказки. А потом сам стал для людей этим Змеем... Но чтобы Кульчицкий?! Венцеслав Кульчицкий?! Кичающийся свои безупречным происхождением? И он – мой отец...

– Арлеки-и-ино, – я усмехнулась и покачала головой, – ты мастер уводить разговор в сторону, я это уже поняла. И мысли тоже ты отводишь. И... взгляды, да? Я правильно поняла? На тебя смотрят и не видят, так?

– Ты молодец, Варя, – улыбнулся Павел. – Мгновенно сообразила, что к чему.

– Ну, не то чтобы мгновенно, – заскромничала я, – но сложить два и два могу. И твоя телепатия, и то, что ты вытворял тогда в пещере, а теперь – это твое появление у меня. Думаю, выражение «для отвода глаз» появилось не случайно. А что ты еще умеешь?

– Да вроде все, – пожал плечами Павел.

– В смысле – все? Вообще все? Все-все? Двигать взглядом вещи, поджигать им же. Взглядом.

– Да нет, – фыркнул Арлекино, – ты что! Под «все» я

имел в виду перечисленное тобой. Да, я могу общаться телепатически, владею чем-то типа гипноза, могу – но для этого, правда, приходится максимально концентрироваться, – подавлять волю человека, делать его своей марионеткой. Но ненадолго. Да и не люблю я этого, если честно, – поморщился он. – Ощущения поганые потом, словно наизнанку вывернули и физически, и душевно.

– А вот с Моникой что?

– С ней уже все в порядке, она спит.

– Это я как раз поняла сразу, я имею в виду твою ментальную связь с Моникой. То, что она тебя слышит. То, что ты каким-то образом выводил ее из мрака безумия, возвращаешь...

– Знаешь, – задумчиво произнес Павел, – для меня самого это загадка. Ничего подобного больше ни с кем я не ощущаю. Может, это как-то связано с испытанным мной шоком, когда я узнал, что Моника... что она пропала. Если бы ты знала, как мне было плохо в тот момент! Наверное, если бы она не выжила, не дождалась... – Он отвернулся, помолчал пару мгновений, потом глухо продолжил: – В общем, как только я нашел ее, я словно прирос, стал частью ее души. А она – частью моей. Поэтому я и не дам ей уйти. Пока жив...

Глава 9

– Так ты что, – я невольно поежилась, представив, – видишь и чувствуешь абсолютно то же самое, что и Моника?!! Постоянно торчишь у нее в голове и читаешь мысли? Все-все?!! А мои сейчас? И... не только сейчас...

– Нет, конечно! – возмутился Павел. – Это сложно объяснить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.